

Пути Россіи

ИМПЕРІЯ.

III.

То, что въ русской исторической литературѣ обозначается, какъ «крестьянскія волненія», въ дѣйствительности, часто не существовало или, точнѣе, имѣло существенно иной характеръ, чѣмъ это обычно предполагается. Имперское правительство — вплоть до освободительныхъ реформъ Александра II, — твердо охраняло для низшихъ податныхъ классовъ старый московскій крѣпостной уставъ и, во многихъ отношеніяхъ, еще въ 19-омъ вѣкѣ, проводило его въ жизнь круче, чѣмъ при Іоаннѣ Грозномъ. Податныя сословія должны были неподвижно пребывать въ томъ состояніи, въ которомъ ихъ опредѣлила царская воля. Вѣрноподданые царя должны были обращаться «въ предѣлахъ, званію и состоянію ихъ предписанныхъ, исполняя свои обязанности и удаляясь всего тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ». Крѣпостные крестьяне и дворовые должны были безпрекословно повиноваться своимъ помѣщикамъ, какъ поставленнымъ надъ ними властямъ и какъ особамъ, которыхъ монархъ пожаловалъ своею милостію. Всякое возмущеніе крестьянъ и дворовыхъ противъ помѣщиковъ почиталось «возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ» (Уголовное Уложеніе 1845 г.). Власть же помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами была почти безгранична. «Дворянство имѣетъ надъ людьми и крестьянами своими мужескаго и женскаго полу и надъ имѣніемъ ихъ, — говоритъ проектъ Елизаветинскаго Уложенія, — полную власть безъ изытія, кромѣ отнятія живота и наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пы-

*) См. «Совр. Зап.» № № 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22, 32, 48, 49.

токъ». Въ жизни этотъ проектъ проводился полностью. Потому всякое столкновение между крестьянами и ихъ помѣщиками — мимолетное ослушаніе крестьянъ или ихъ отказъ отъ выполненія какихъ либо помѣщичьихъ работъ и повинностей — почиталось правнелствомъ, какъ нарушение порядка и возмущеніе противъ закона. Помѣщики въ малѣйшемъ движеніи крестьянъ — мирной сходкѣ для написанія жалобы — видѣли бунтъ и доносили властямъ о крестьянскихъ «ценствованіяхъ». Власти почитали охраненіе помѣщичьяго права основнымъ условіемъ крѣпости всего общественнаго порядка и охотно вѣрили донесеніямъ. А, такъ какъ всѣ чины правящаго сословія — дворяне — были въ то же время и помѣщиками, а половина имперскаго народа ихъ крѣпостными, то крестьянскіе «бунты и возмущенія» должны были, въ необъятной Имперіи, происходить непрерывно. Правительство и регистрировало ихъ въ своихъ ежегодныхъ сводкахъ десятками. А за каждое царствованіе насчитывало сотнями. Вольнолюбивая русская интеллигенція съ радостью подхватывала эти правительственныя сообщенія и рисовала на ихъ основаніи яркую картину волнующагося крестьянскаго моря. Но, на самомъ дѣлѣ, это было не такъ. На самомъ дѣлѣ, крестьяне съ удивительно покорностью несли крѣпостную неволю. Послѣ Пугачевского возстанія крестьянство зтихло, присмирѣло и вплоть до освобожденія ни разу не поднимало открытаго протеста противъ крѣпостнаго права. Правда, крестьяне покорялись помѣщичьей власти, какъ тяжелой необходимости, какъ «владычеству монголовъ», но выраженію Ю. Самарина, и въ душѣ мечтали о вольности. Но они ждали вольности, какъ милости отъ царя. И, если порою волновались, то только потому, что слышали: царь вольность далъ, а дворяне ее скрываютъ. Но, вмѣстѣ съ мечтами о вольности, въ крестьянскихъ душахъ еще крѣпко сидѣла вѣра: рабская служба — земная доля сирыхъ и малыхъ; за что на небѣ ихъ ждетъ вѣчное блаженство. Православная церковь укрѣпляла эту вѣру ученіемъ о Божіемъ законѣ, повелѣвающимъ рабамъ быть въ послушаніи своихъ господъ — «повиноваться владыкамъ своимъ во всякомъ страхѣ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ». — То, что именовалось крестьянскими беспорядками и возмущеніями, на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, было иное. Положеніе крѣпостныхъ людей въ императорской

Россіи было тяжкое. Крѣпостное право Имперіи мало походило на западно-европейское и многими чертами напоминало восточное рабство. Были имѣнія, гдѣ положеніе крѣпостныхъ не отличалось отъ положенія черныхъ рабовъ въ американскихъ плантаціяхъ. Крѣпостные крестьянеотягощены были непомерными работами и поборами, «частенько выступающими, — по выраженію П. Панина, — и изъ сносности человѣческой», и терпѣли отъ помѣщичьяго мучительства и «тиранства». Пока были силы, крестьяне покорно выполняли возложенныя на нихъ повинности и слушались своихъ господъ. Когда же силъ не хватало или повинности нарушали старину — какъ было при отцахъ и дѣдахъ, — крестьяне шли скопомъ къ помѣщику просить о «снисхожденіи» или собирались на сходку писать жалобу царю, «Умилосердись ты надъ нами, батюшка, Ваше Сіятельство, — молили князя Голицына его крѣпостные, когда онъ перевелъ ихъ съ оброка на раззорительную барщину, — мы вѣдь ровно дѣти ваши, а васъ всегда почитаемъ, какъ за отца родного!» «Отъ крестьянъ отъ мала и до велика всепокорнѣйшее прошеніе! — жаловались Павлу I костромскіе крестьяне. — Утягощены на господской работѣ и въ зиму, и въ лѣто... Смилуйся, Надежда-Государь, до насъ бѣдныхъ!» «Великій Монархъ! — писали ему же тверскіе крестьяне, — «Мы не преслушники закона и законной власти, но Всемонаршимъ Вашего Императорскаго Величества словомъ повелите либо съ нами поступать... соразмѣрно силамъ нашимъ, либо взять подъ свое покровительство». Но помѣщики не всегда соглашались на снисхожденіе, а до царя жалобы доходили не скоро. Тогда крестьяне, не вынеся тягостей «сверхъ мѣръ челоуѣчества», отрекались отъ повинностей помѣщику и не выходили на барщинныя работы. Помѣщикъ скакалъ въ городъ и доносилъ начальству о бунтѣ. Начальство тотчасъ являлось въ взбунтовавшуюся деревню съ воинской командой. Всѣхъ крѣпостныхъ сгоняли на площадь отъ мала до велика и ставили на колѣни. Начальство усовѣщало ихъ покориться помѣщику, грозилъ въ противномъ случаѣ наказаніемъ по всей строгости законовъ. Крестьяне объясняли начальству, что они отъ воли и послушанія помѣщикамъ своимъ не отрекаются, но что они раззорены непомерными оброками и непосильными работами, почему и объявляютъ себя «неимущими, а не непослушными». Тогда началь-

ство приступало къ экзекуціи. Сѣкли крестьянъ смертною зашищниковъ, десятого, а то и всѣхъ поголовно — приговаривая: «не подавай государю прошенія», «не противись своему господину». Послѣ такого «сладкого сѣчеша» все экзекуціонное мѣсто было окровавлено, а крестьянъ замертво сносили въ избы. Оставшіеся, стоя на колѣняхъ, кричали: «виноваты Богу и Государю». Ихъ прощали, и начальство уѣзжало. На этомъ «бунтѣ» и кончался. — Сложнѣе было дѣло, когда крестьяне «домогались вольности». Добиваясь вольности, крестьяне и не думали идти противъ закона. Ничего новаго, противозаконнаго, нарушающаго обычай они и не хотѣли. По свидѣтельству современниковъ, имперскіе крестьяне — люди, исключительно смиренныя и законопослушныя. Они вѣрять безпредѣльно въ святость всякаго закона, а, тѣмъ болѣе, источника закона и власти — царя. Сопротивленіе закону приводитъ ихъ въ трепеть. Домогаясь вольности, они домогаются не нарушенія закона, а его осуществленія, дѣйствуютъ на твердомъ основаніи существующаго права. Помѣщику завѣщанъ отпустить крѣпостныхъ на волю — послѣдники завѣщанія не исполнили, крестьяне заключили договоръ съ помѣщикомъ объ увольненіи въ свободныя хлѣбопашцы — договоръ былъ нарушенъ; имѣние было продано съ торговъ — крестьяне имѣютъ право выкупиться на волю; крестьяне были казенными — помѣщику переданы неправильно. Таковы правовыя основанія крестьянскихъ домогательствъ воли. Не имѣетъ значенія, достаточны ли эти основанія, правильно ли крестьяне толкуютъ законъ. Важно другое: что крестьяне непоколебимо вѣрять въ святость своего права на волю, хотять не нарушить законъ, а его исполнить. Этимъ объясняется и ихъ поведеніе въ поискахъ воли. Въ немъ нѣтъ и тѣни протеста или возмущенія противъ власти. Крестьяне ведутъ себя не какъ бунтовщики и революціонеры, а какъ смиренныя и законопослушныя вѣропоклонники: чинно, степенно, «съ должнымъ приличіемъ». Подаютъ бумаги въ казенныя учрежденія, ищутъ жалобы начальству, посылаютъ ходатаевъ къ губернатору, сенаторамъ и къ самому царю. Руководятъ движеніемъ всегда люди солидные и зажиточные — въ большинствѣ случаевъ, старики. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, въ отношеніи къ помѣщику крестьяне ведутъ себя твердо и непоколебимо: «отъ помѣщичьихъ правъ рѣшительно отказыва

ются, считая себя неопровергаемо подлежащими освобождению изъ крѣпостного владѣнія». По крестьянскимъ понятіямъ, если, добиваясь вольности, они будутъ оказывать помѣщику повиновеніе или будутъ брать у него насморта, то тѣмъ самымъ признаютъ помѣщичьи права надъ собою и навсегда останутся господскими. Потому, ища вольности, они объявляютъ помѣщику, что, впредь до рѣшенія дѣла, — а часто и безъ указанія срока — они отъ него отлагаются и что больше исполнять его приказаній не будутъ. Но, даже совершая такіе «дерзостные и своевольные» поступки и оказывая помѣщикамъ явное неповиновеніе, крестьяне держатъ себя чинно и степенно: собираются въ церкви и закрѣпляютъ свое рѣшеніе клятвой передъ иконою, чтобы всѣмъ быть воедино. Священникъ служитъ молебень, послѣ котораго, «отворя двери и взнеся крестъ и Евангеліе», приводитъ ихъ «въ единомысліе къ цѣлованію». И, лишь помолившись Богу и принеся присягу, идутъ крестьяне къ помѣщику «для отреченія отъ повиновенія ему и его властн». Въ такихъ случаяхъ сомнѣній, что происходитъ бунтъ, у начальства нѣтъ. Для подавленія возстанія посылаются войска съ инструкціей: привести крестьянъ «въ должное рабское послушаніе и усмирить». Нерѣдко на усмиреніе ѣдетъ самъ губернаторъ. Войска и начальство встрѣчаютъ вся отложившаяся вотчина — съ дѣтьми, стариками и женщинами. Войска окружаютъ толпу или выстраиваются противъ нея «во внушительномъ порядкѣ». Губернаторъ объявляетъ толпѣ царскую волю — сенатскій указъ и спрашиваетъ крестьянъ: слышали ли они и повинуются ли? Крестьяне отвѣчаютъ: что слышали, но не довѣряютъ, чтобы прочитанный указъ былъ царскій; «что они въ Бога вѣруютъ, государя почитаютъ, властямъ повинуются, а господину больше повиноваться не будутъ, и что у нихъ такого быть не должно». Тогда губернаторъ отдаетъ приказъ приступить къ наказанію. Войска выхватываютъ изъ толпы главарей — кто погорластѣе — и начинаютъ сѣченіе. Сѣченіе иногда продолжается днями. Не выдержавъ мученій, крестьяне объявляютъ, что теперь вѣрятъ въ подлинность указа и что помѣщику повиноваться будутъ. Губернаторъ арестовываетъ зачинщиковъ и передаетъ ихъ суду. Судъ приговариваетъ виновныхъ къ кнуту и къ каторжнымъ работамъ. Но еще долгіе годы крестьяне не мирятся съ такимъ рѣшеніемъ дѣла и еще долгіе годы упорно ходятъ

по казеннымъ учрежденіямъ съ исками о поляхъ. Бываютъ однако случаи, когда дѣло принимаетъ болѣе трагическій оборотъ. Крестьяне встрѣчаютъ начальство шумомъ и криками и не дають арестовывать зачинщиковъ. Порою вооруженные дубинами и оказываютъ войскамъ сопротивление. Тогда съ ними поступаютъ, какъ съ непріятелемъ — войска стрѣляютъ залпами, грохочутъ пушки. На поля битвы лежатъ сотни убитыхъ и раненыхъ. Раненыхъ отправляютъ въ тюрьму. Убитыхъ закапываютъ въ землю, какъ злодѣевъ — безъ христіанскаго погребенія. Дома ихъ уничтожаютъ до основанія. На могилахъ убитыхъ при усмиреніи крестьянъ гр. Апраксина (1797 г.) было надписано: «Тутъ лежатъ преступники противъ Бога, Государя и помѣшниковъ, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ по закону Божию и Государеву». Народъ, почитая убитыхъ мучениками, приходитъ въ церковь молиться за ихъ души.

Таковъ обычный характеръ крѣпостныхъ крестьянскихъ волненій, если не брать рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ. Въ нихъ нѣтъ и тѣни того, что такъ страстно искала въ имперскомъ народѣ русская интеллигенція: духа бунтарства и вольности, духа протеста противъ власти и закона. Надо сказать обратное: имперскій народъ — какъ онъ показываетъ себя въ крѣпостныхъ волненіяхъ — до конца вѣрноподданный и законопослушный — во истину, «послушливѣйшій въ свѣтѣ». Онъ покорно терпитъ крѣпостное рабство, хотя почитаетъ его за «египетскую неволю». Онъ безъ ропота выполняетъ несносныя помѣщичьи работы и повинности, пока только позволяютъ силы. Если онъ отрекается отъ повиновенія помѣщикамъ, то только потому, что помѣщичьи работы и поборы вышли изъ «способности человѣческой». И, если онъ отлагается отъ помѣщичьей власти, то только тогда, когда нѣмѣтъ на это законныя основанія. Ему и въ голову не приходитъ бороться за человѣческія права и вольности. Онъ защищаетъ не «естественное» право, а право исконое. И больше всего онъ почитаетъ законъ и царя. Царское имя внушаетъ ему трепетъ и благоговѣніе, какъ имя Божье. Отлагаясь отъ повиновенія помѣщикамъ и власти, онъ и помыслить не смѣетъ, что встаетъ на царя. Наоборотъ, онъ исполняетъ царскую волю: есть царскій указъ «за девятью печатями» съ золотою строчкой», по которому ему больше не надо быть въ подданствѣ у помѣ-

щиковъ -- потому онъ и отлагается отъ нихъ; власти — дворяне — скрываютъ царскій указъ, потому онъ и оказываетъ имъ неповиновеніе. Не можетъ быть, чтобы, за исполненіе царскаго указа, власти народъ наказывали! Не можетъ быть, чтобы царское войско за это въ народъ стрѣляло! Имперскій народъ искренне обижается, когда его обвиняютъ въ бунтовщичество: какой же это бунтъ, когда онъ исполняетъ царскую волю? Въ спорахъ съ властями и помѣщиками о вольности онъ упорно добивается «царской бумаги за подписомъ Его Императорскаго Величества» или «всемилоствѣйшаго указа за подписаніемъ Его Императорскаго Величества руки». Онъ не вѣритъ указамъ, написаннымъ чернилами: такъ пишутъ чиновники и писаря — царь написалъ бы золотыми буквами. Зато, если убѣждается, что указъ — отъ царя, со слезами и плачемъ покоряется царскому слову. — И что наиболѣе удивительное: въ самое понятіе вольности онъ вкладываетъ крѣпость царю. Что такое вольность для крѣпостныхъ крестьянъ? — Переходъ изъ подданства помѣщикамъ въ подданство самого царя. Стать вѣрноподанными рабами собственной императорской короны, не быть господскими, а быть государевыми -- чтобы все была «государщина» — вотъ о чемъ мечтаютъ имперскіе крѣпостные. «Чего желаетъ крестьянинъ помѣщичій? — говоритъ гр. Сперанскій. — Желаетъ быть казеннымъ». «Въ чемъ свобода крѣпостныхъ? — спрашиваетъ министръ внутреннихъ дѣлъ Николая I Перовскій. — Въ сравненіи правъ и обязанностей помѣщичьихъ крестьянъ съ правами и обязанностями крестьянъ государственныхъ». Ничего иного и не хотятъ имперскіе крестьяне, когда они добиваются вольности, и даже тогда, когда они проливаютъ за нее кровь. «Повелите, Всемилостивѣйшій Государь, ограничить неистовство господина нашего или взять въ казенное Вашего Императорскаго Величества вѣдомство», — просили въ жалобѣ Павла I ярославскіе крестьяне. «Благоволи, Всемилостивѣйшій Государь, насъ взять въ казну», — писали ему же смоленскіе крестьяне. «Смилуйся, Государь, и не дай въ конецъ всѣмъ погибнуть. Отрѣши насъ за себя, Государь!» — вотъ точное выраженіе крѣпостной мечты о вольности. — И, если въ крѣпостныхъ крестьянскихъ волненіяхъ есть черты возмущенія и гнѣва, то они цѣликомъ направлены не противъ царя и закона, а противъ помѣщиковъ и дво-

ринуъ. Ибо, по крестьянскимъ повѣтіямъ, помѣщики и дворяне — злодѣи и измѣнники. Они мучатъ царскій народъ и томятъ его въ рабской неволѣ. И они злоумышляютъ противъ царя, когда царь хочетъ добра народу. Кто, при холерѣ, отравляетъ ручьи и источники? — Дворяне и помѣщики. Кто поджигаетъ деревни, когда онѣ должны перейти въ казну? — Дворяне и помѣщики. Кто виноватъ въ голодѣ? — Дворяне и помѣщики. Все зло въ народѣ отъ нихъ. Все ихъ богатство — «людская кровь». Когда царь замышляетъ освободить народъ, они мѣшаютъ ему въ этомъ дѣлѣ. Когда царь издаетъ указъ о вольности, они его утаиваютъ. И они грозятъ извести царя, когда онъ противится ихъ волѣ. Александръ I приказалъ отобрать крестьянъ у дворянъ — въ казенное вѣдомствѣ. Господа собрались въ почное время въ сенатъ и позвали государя. Онъ обѣщавъ явиться, но далъ знать Константину Павловичу. Тотъ навелъ государя «въ опасности жизни, стоящаго перелѣ собраніемъ на колѣняхъ» въ рубахѣхъ и просящаго помилованія. Константинъ Павловичъ изрубилъ собравшихся и сказалъ: «видишь ли, братъ, я тебя отъ нихъ спасаю во второй разъ». Такія же гоненія терпѣли отъ дворянъ и другіе справедливые цари — Петръ III, Павелъ I и Константинъ Павловичъ. Потому все они принуждены были отъ дворянъ скрываться и уходить въ народъ, — тамъ въ народѣ они и ходятъ, ибо время ихъ еще не пришло; когда время придетъ, они «объявятся». Дворяне такіе же враги царю, какъ и народу. — Потому и цари не любятъ дворянъ и ждутъ случая, чтобы ихъ истребить. Въ имперскомъ народѣ то и дѣло возникаютъ слухи, что есть царскій приказъ — уничтожагъ дворянъ. Вскорѣ послѣ возстанія крестьянъ въ Галиціи въ 1846 году въ Царствѣ Польскомъ заговорило все крестьянство: «нашъ де императоръ хочетъ, по примѣру австрійскаго, позволить крестьянамъ перерѣзать помѣщичковъ»; «теперь крестьянамъ дозволяется каждаго помѣщика ловить въ петлю и доставлять правительству» — «въ награду за это крестьяне получаютъ помѣщичьи земли». Крестьяне приходили къ священникамъ спрашивать: «можно ли пачать уничтожать пановъ и будетъ ли это грѣхъ». А, когда помѣщики будутъ уничтожены — вѣрли крѣпостные крестьяне — народъ соединится съ царемъ и будетъ жить въ довольствѣ и радости. «Крѣпостное сословіе, писалъ Ю. Самаринъ, незадолго до освобожденія кре-

стьянъ, въ своей «Запискѣ о крѣпостномъ состояніи», — хотя, конечно, не сознаетъ отчетливо, зато живо ощущаетъ историческую беззаконность своего обиднаго положенія и, по естественному порядку вещей, ставитъ его въ вину дворянству. Дворянство разлучило простой народъ съ Царемъ. Ставши поперекъ между ними, оно заслоняетъ народъ отъ Царя и не допускаетъ до него народныхъ жалобъ и надеждъ. Оно же скрываетъ отъ народа свѣтлый образъ Царя, и оттого слово послѣдняго или не доходитъ до простыхъ людей, или доходитъ искаженнымъ. Но народъ любить Царя и рвется къ нему; и Царь со своей высоты съ любовью смотритъ на народъ, издавна зымышляя его избавленіе. Когда-нибудь они откликнутся и черезъ головы дворянъ протянутъ другъ другу руки». Такова идеологія имперскаго народа, какъ она выступаетъ въ крѣпостныхъ крестьянскихъ волненіяхъ.

Такой же характеръ имѣли крестьянскія волненія и въ пореформенную эпоху, особенно, въ первые годы послѣ объявленія воли. Годы передъ реформой прошли тихо. Крестьяне напряженно ждали освобожденія — какъ Свѣтлаго праздника. Но царь обѣщаль, что самъ дастъ волю. Потому крестьяне ждали ее спокойно — безъ жалобъ и нетерпѣнія. Не было ни бунтовъ, ни волненій. Наоборотъ, крестьяне опасались, «какъ бы не взбунтовались помѣщики». Что понимали подъ «волей» крестьяне? — То, что выработала крѣпостная идеологія. Воля — отказъ отъ помѣщичьей власти и повинностей и раздѣлъ всей помѣщичьей земли между крестьянами «безданно и безпошлинно»; можетъ быть, еще облегченіе податей. Крестьяне будутъ не помѣщичьими, а государевыми, землю всю «взбунтуютъ», и каждый получитъ «царскій надѣлъ», а помѣщиковъ государь возметъ на жалованіе — дастъ имъ въ городахъ службу. Таково было крестьянское пониманіе воли. Но, на самомъ дѣлѣ, вышло не такъ: «казенная» воля оказалась непохожей на мужицкую. Александръ II хотѣлъ провести реформу «къ общей взаимной пользѣ обѣихъ сторонъ» — крестьянъ и дворянъ. Рѣзать по живому онъ не рѣшился. Въ Положеніи было сказано: что «помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли»; что крестьяне могутъ получить, по соглашенію съ помѣщиками, только ту часть земли, которую они раньше обрабатывали на себя, и за выкупъ въ 49 лѣтъ; и что въ теченіе еще двухъ лѣтъ они долж-

ны оставаться «въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія свои обязанности». Крестьяне шли въ церковь на чтеніе манифеста со свѣтлыми и радостными лицами, а уходили сумрачные и унылые. Что это за воля: иди на барщину? Какая же это воля безъ земли? «Да что же ты про волю то ничего не читаешь? — кричали въ одномъ селѣ крестьяне священнику, — чай пропускаешь». Хуже всего, что крестьяне въ манифестѣ, написанномъ, — по выраженію Ив. Аксакова, — на «татарскомъ языкѣ», ничего не поняли. Нѣтъ, это не настоящая воля. Эта бабья воля — малая воля. А будетъ другая воля — большая, мужичья. Черезъ два года придетъ «слушный» часъ — тогда выйдетъ новый манифестъ за золотой печатью, «съ Егорьевскимъ крестомъ», въ которомъ народу будетъ дана чистая воля — царская. Тогда пройдетъ царская цѣпь, и каждый получитъ царскій наръзъ земли. Теперешнее же указаніе земель есть обманъ со стороны помѣщиковъ — теперь все дѣлается по господамъ. Потому крестьяне не должны поддаваться на уговоры начальства и не итти на раздѣлъ земли — не подписывать уставныхъ грамотъ. Кто подпишется «жить по старому», — не дождется «срочнаго» часа — тотъ царской милости не получитъ. «Не хотимъ уставной грамоты, — говорили, во многихъ мѣстахъ, крестьяне помѣщикамъ, — будемъ ждать царскаго выкупа». Въ другихъ мѣстахъ крестьяне толковали манифестъ по иному: царь уже далъ полную волю — не надо платить оброковъ, не надо выходить на барщину; вся земля наша. А въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ не повѣрили въ манифестъ: это манифестъ не царскій, а господскій; царскій утаили дворяне и подмѣнили своимъ. — На этой почвѣ и разыгрались многочисленныя крестьянскія волненія, связанныя съ введеніемъ реформы. Правительственные сводки насчитывали ихъ сотнями — значительно больше, чѣмъ во все царствованіе Николая I. Правда, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, волненія носили старый крѣпостной характеръ. Крестьяне отрекались отъ помѣщичьихъ повинностей или опредѣляли ихъ по собственному толкованію манифеста. Помѣщики извѣщали начальство о бунтахъ. Начальство было напугано и готовилось къ крестьянскому освобожденію, какъ къ непріятельскому нашествію. Къ моменту объявленія воли въ губерніи были присланы изъ Петербурга Свиты Его Величества генералъ-майоры и

флигель-адъютанты съ полномочіями: въ случаѣ неповиновенія крестьянъ принимать «строгія мѣры». Они и принимали строгія мѣры. При малѣйшемъ извѣстии о бунтахъ, они являлись въ деревни съ командами, и начинали сѣченіе. Сѣкли въ эти мѣсяцы свободы такъ, какъ не сѣкли при крѣпостномъ правѣ. Крестьяне быстро винились — «падали на колѣни и со слезами просили пощады». На этомъ бунты и кончались. — Но въ нѣсколькихъ мѣстахъ событія приняли другой оборотъ. Въ селѣ Безднѣ разыгралась настоящая драма. Въ безпорядкахъ приняли участіе крестьяне трехъ уѣздовъ Казанской губерніи и нѣкоторыхъ волостей губерній Самарской и Симбирской. Бунтъ длился больше мѣсяца. Крестьяне толковали манифестъ такъ: дана чистая воля — всѣ повинности помѣщикамъ прекращаются; вся земля переходитъ въ собственность крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне полагали, что раздѣлу подлежатъ и помѣщичій хлѣбъ. Толковали манифестъ и Положеніе собственные чтецы — на чужихъ не полагались. Главнымъ чтецомъ былъ крестьянинъ с. Бездны Антонъ Петровъ, человекъ тихій и скромный, очень богомольный — «ледащій мужиченка», по опредѣленію односельчанъ. Петровъ нашель въ Положеніи таинственные знаки «оники» и «печать св. Алены», а фразу — «послѣ десятой ревизіи отпускаются на волю» толковалъ по своему: крестьяне свободны еще съ послѣдней ревизіи (1858 г.) — волю утаили господа. Потому говорилъ крестьянамъ: чтобы они помѣщиковъ и начальниковъ не слушались, на барщину не ходили, оброковъ не платили; что вся земля — ихняя, а помѣщикамъ — дороги, овраги и буераки. Крестьяне окрестныхъ уѣздовъ тысячами сходились въ Бездну «записываться въ волю». Помѣщиковъ не слушались, на барщину не выходили или выполняли ее небрежно; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рубили помѣщичьи дѣла и дѣлили помѣщичій хлѣбъ. Дѣлали все чинно, степенно, твердо вѣря, что идутъ не противъ закона, а за царское Положеніе. Помѣщиковъ не обижали, съ начальствомъ обращались почтительно. Уговоры и угрозы мѣстныхъ властей не приводили ни къ чему. «Да развѣ противъ царскаго приказа можно? — отвѣчали крестьяне на требованіе становаго выдать Петрова, — тогда царь скажетъ: не хотѣли постоять за мою волю, такъ и работайте опять на господь». На предостереженія возражали: «ну какъ же это возможно, чтобы въ народъ стрѣляли! Что мы, развѣ

буштовники какіе?» «Мы сюда по царскому повелѣнію пришли». «Какъ же это господа противятся царскому приказу!» Царскихъ пословъ ждали съ довѣріемъ: ходили слухи, что послы будутъ объявлять «волю». Зато о дворянахъ и помѣщикахъ говорили худо: «дворянъ рѣзать, вѣшать, рубить топорами; топоры насадить на длинные колья». «Царь велѣлъ дворянъ не миловать, а головы рубить». Разказывали: «гдѣ то народъ рѣзалъ дворянъ, вдругъ прѣхалъ вел. кн. Константинъ: дѣти мои, тише, тише, что вы дѣлаете? — Дворянъ рубимъ, Ваше Высочество... Ну, спасибо, что исполняете службу царскую, собака! — собака смерть». Петровъ распуская слухи: что «вел. кн. Константинъ Николаевичъ содержится въ окопахъ въ селѣ Безднѣ и проситъ крестьянъ освободить его»; что помѣщики виноваты въ смерти покойнаго государя Николая Павловича и что они противятся волѣ царствующаго государя Александра Николаевича. На охрану Петрова собирались тысячи людей. Выставляли караулы. На караулахъ «молодыхъ почти не было; большинство выглядѣло дѣтъ за сорокъ». Шли крестьяне, «какъ на праздникъ или на богомолье». «Люди полагали за мірское дѣло свою душу». — Для подавленія возстанія въ Бездну прибылъ съ военной командой ген.-майоръ гр. Апраксинъ. Навстрѣчу ему крестьяне выслали стариконъ — съ хлѣбомъ и солью. Апраксинъ ихъ не принялъ. Громадная толпа окружала домъ Петрова и никого къ нему не пропускала. Крестьяне стояли безоружные. Старики приказывали приходившимъ бросать палки, у кого онѣ были въ рукахъ. Апраксинъ потребовалъ выдачи Петрова. Крестьяне рѣшительно отказали. Кричали: «воля, воля! умремъ за царя!» Самъ Петровъ вышелъ къ войскамъ съ царскимъ Положеніемъ на головѣ. Тогда Апраксинъ приказалъ стрѣлять. Залпы произвели страшное опустошеніе. Было убито и ранено около 350 человѣкъ. Петрова судили военно-полевымъ судомъ и разстрѣляли. «Убитыхъ жалѣли, считали, что они приняли вѣнецъ мученичества за міръ православный». — Такая же драма разыгралась въ с. Кандеевкѣ Пензенской губерніи. Крестьяне не повѣрили въ манифестъ, кричали священнику: «читай намъ новую волю... Не ту, та поддѣльная! А настоящую читай; въ ней сказано, что земля теперь вся наша!» Съ окрестныхъ деревень собралась толпа, доходившая до 10.000 душъ. Крестьяне развозили по селеніямъ красный

флагъ и на увѣщанія отвѣчали: «земля вся наша! на оброкъ не хотимъ и работать на помѣщиковъ не станемъ». Для усмиренія бунта прибылъ съ семью ротами солдатъ ген.-майоръ Дренякинъ. Дренякинъ приказалъ крестьянамъ разойтись и засеять помѣщичьи поля. Крестьяне отвѣчали: «не повинемся, ничего не хотимъ, умремъ за Бога и царя». Дренякинъ приказалъ стрѣлять. Войска дали три залпа. Крестьяне не дрогнули и кричали: «всѣ до одного умремъ, но не покоримся!» Дренякинъ захватилъ 400 человѣкъ, которые были судимы и наказаны: каторгой, ссылкой и шпицрутенами. Крестьяне покорились. Въ отвѣтъ на донесеніе объ усмиреніи Кандеевки и на поздравленіе съ Пасхой, Александръ II прислалъ телеграмму: «Христось Воскресе. Благодарю за поздравленіе и за дѣльные распоряженія. Александръ». — «Дѣльные распоряженія» и строгія рѣчи государя крестьянамъ подѣйствовали успокаивающе. Волненія стихли. Крестьяне поняли, что новой воли не будетъ. «Вѣрно, братцы, правильно, что надѣлъ намъ данъ царской волей, — говорили саратовскіе крестьяне послѣ одного волненія въ 1862 году, — Царю батюшкѣ мы должны покориться». Но еще долгое время ходили въ народѣ слухи, что царскую волю украли дворяне, и что они бунтуютъ противъ царя за то, что онъ отобралъ у нихъ крѣпостныхъ.

На этой почвѣ и разыгралась, въ пореформенное время, одна удивительная исторія, которая многое уясняетъ въ психологіи имперскаго народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросаетъ яркій свѣтъ на самыя значительныя событія имперской эпохи — вѣковую борьбу императорской Россіи съ интеллигентскимъ орденомъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ интеллигентскій орденъ объявилъ «крестовный походъ» въ народъ. Къ этому времени старыя орденскія воззрѣнія на народъ были изжиты: не орденъ освободить народъ и приобщить его къ власти, а самъ народъ освободить и орденъ, и себя. «Освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа». Въ народѣ заложены основы орденскаго идеала — ихъ надо только раскрыть. Народъ жаждетъ освобожденія и готовъ къ возстанію. Задача ордена — организовать народъ и поднять его на борьбу. Съ восторженной вѣрой въ народъ и пламеннымъ упованіемъ въ грядущее освобожденіе двинулись орденскіе крестовосцы въ походъ. Но въ народѣ ихъ ждало горькое разочарованіе. Народъ оказался нѣриподданнымъ и законопослуш-

нямъ. О бунтахъ и возстаніяхъ онъ не хотѣлъ и слушать. Крестьяне страдали отъ безземелья и тяжести податей. Потому ждали земельного передѣла и податного облегченія — но ждали сверху, какъ милости отъ царя. Жертвы крестоносцевъ пропадали даромъ. Ни одного бунта, ни одного даже незначительнаго возмущенія организовать имъ не удалось. Наоборотъ, крестьяне охотно помогали ловить «бунтовщиковъ», — кому и бунтовать, какъ не дворянамъ! Дѣлать крестоносцамъ въ деревнѣ было нечего. Походъ замиралъ. Надо было или переходить къ мирной просвѣтительной работѣ въ народѣ или возвращаться къ старой «декабристской» тактикѣ, — заговора и захвата власти. Тогда и родилась въ умахъ нѣсколькихъ крестоносцевъ (Стефановича и его товарищей) соблазнительная мысль: если нельзя поднять народъ на царя, почему не поднять его за царя? И, если народъ боится бунта и беззаконія, почему не организовать возстанія именемъ закона — по царскому приказу? Случай къ этому представился скоро. Въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи съ начала 70-хъ годовъ шли крестьянскія волненія. Большинство крестьянъ не хотѣло участковой разверстки земель и требовало «душевого передѣла». Въ началѣ крестьяне требовали душевого передѣла только тѣхъ земель, которыя имъ полагались по актамъ. Но потомъ увѣрились въ существованіи царскаго указа, по которому всѣ помѣщичьи земли переходятъ въ ихъ владѣніе, и каждый крестьянинъ долженъ получить надѣлъ въ 15 десятинъ. Крестьяне отказались подписать акты. Тогда были приняты обычныя экзекуціонныя мѣры — постой, сѣченіе, тюрьма и ссылка. Крестьяне обижались на беззаконіе и вѣрили, что самъ царь прійдетъ въ волости и накажетъ виновныхъ чиновниковъ. «Нехай царь прійде и велить намъ на участки, — говорили крестьяне, — ми противъ царскаго слова не пидемо, держимся жъ за душевій, бо знаемо, що така царська воля». Главная забота крестьянъ была — дать знать о себѣ царю. Этимъ и воспользовались Стефановичъ и его товарищи. Стефановичъ рассказалъ чигиринцамъ, что хлопочеть по дѣлу своихъ односельчанъ (Херс. губ.) и уполномоченъ ими итти съ прошеніемъ къ царю. Чигиринцы просили его замолвить царю словечко и за нихъ. Стефановичъ написалъ отъ ихъ имени царю прошеніе и отправился въ Питеръ. Вернувшись, сообщилъ, что видѣлъ царя и предъявилъ крестьянамъ царскія бума-

ги — «Высочайшую тайную грамоту» и «Уставъ крестьянскаго общества Тайная Дружина, Высочайше утвержденный Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ». Царскія бумаги произвели на чигиринцевъ громадное впечатлѣніе. Въ Тайной грамотѣ было сказано:

«Вѣрные наши крестьяне. Со всѣхъ концовъ Государства Нашего слышимъ мы жалобы дорогого намъ крестьянства на тяжкія угнетенія искони враждебныхъ ему дворянъ. Между тѣмъ мы съ самаго вступленія нашего на Престоль Имперіи Россійской старались улучшить положеніе ваше. Вопреки желанію всего дворянства, Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 года мы освободили васъ отъ крѣпостной зависимости и даровали вамъ всю землю безъ всякаго за нее платежа, а также лѣса и сѣнокосы, несправедливо дотолѣ принадлежавшія однимъ дворянамъ...

Къ величайшему огорченію нашему, дворяне воспрепятствовали исполненію повелѣній нашихъ. Они хитростью и обманомъ удержали за собой большую и лучшую часть земли, всѣ лѣса и сѣнокосы, и только самую худшую и ничтожную часть отвели вамъ, при томъ еще наложили за оную чрезвычайныя выкупныя и оброчныя платежи...

Непрестанная двадцатилѣтняя борьба наша за васъ съ дворянствомъ убѣдила насъ, что мы единично не въ силахъ помочь вашему горю, и что вы сами можете свергнуть съ себя дворянское иго... Посему... повелѣваемъ: собирайтесь въ тайныя общества, именуемая «Тайныя Дружины» съ тѣмъ, чтобы подготовиться къ возстанію... Всякій, кто готовъ положить свою жизнь за великое дѣло, обязанъ дать присягу на вѣрность обществу... Сіе общество должны держать себя въ самой строгой тайнѣ...

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови благословеніе Божіе на святое дѣло твое...»

На подлинномъ собственная Его Императорскаго Величества печать и подпись «Александръ II». — С.-Петербургъ, 1875 года, февраля 19 дня.

Дѣйствіе царской грамоты на крестьянъ было изумительно. Въ короткое время въ Чигиринскомъ уѣздѣ была организована «Тайная Дружина», въ которую вступило около тысячи членовъ. Вступая, крестьяне клялись передъ

«икомъ Спасителя, святымъ Евангеліемъ и святымъ Крестомъ» пожертвовать своею жизнью святому народному дѣлу Дружины; клялись «по приказу Государя Александра Николаевича» бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ помѣщиками и чиновниками; клялись безпрекословно исполнять «уставы Дружины, исходящіе черезъ Комиссаровъ... отъ самого Государя Императора». Принесли присягу, цѣловали икону, крестъ и Евангеліе. Такъ велика была сила царскаго слова и вѣра, что заколъ противъ дворянъ. Это была единственная удача крестоносцевъ въ ихъ походѣ въ народъ. Правда, Дружина просуществовала недолго. Скоро ее открыли. Крестьянъ и «царскихъ комиссаровъ» арестовали. Но еще долгіе годы въ деревнѣ царскимъ именемъ можно было сдѣлать, что угодно. Крестьянѣ вѣрили, что царь за народъ, но что господа ему противятся. Господа и убили Александра II. Но великіи Константинъ живъ — онъ ходитъ въ народѣ и скоро объявится.

О силѣ народной вѣры въ царя и напряженности ожиданія крестьянъ, что «нашъ» царь вотъ-ночь «обозначится», можно судить по слѣдующему эпизоду. Въ концѣ 70-хъ годовъ, извѣстный писатель-народникъ Глѣбъ Успенскій со своимъ пріятелемъ Григорьевымъ рѣшили провѣрить легенду о Константинѣ. Съ этой цѣлью они взяли сапи и поѣхали по деревнямъ. Успенскій былъ Константиномъ — сидѣлъ въ саняхъ, закутавшись. Григорьевъ былъ возницей. Григорьевъ заходилъ въ кабаки и о чемъ-то бесѣдовалъ съ крестьянами. Выходитъ изъ кабака, — рассказываетъ впоследствии Успенскій, — подноситъ мнѣ стаканъ водки и говоритъ: «отвѣдайте, Ваше Высочество». А самъ подмигиваетъ мужикамъ: «будетъ, что будетъ! Не долго ужъ ждать». Уѣзжая, говоритъ имъ: «помалкивай, ребята! Знай, будетъ наша!» На обратномъ пути «у одной околицы — цѣлая толпа!.. Встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью!.. Я закутался поплотнѣе. Вижу, снимаютъ шапки, опускаются на колѣни!.. Григорьевъ остановилъ лошадь — толпа хлынула къ санямъ. «Рано, правослашныи, рано! Нельзя ему обозначиться!.. Молчокъ, ребята, молчокъ». Я лежу, думаю: унеси, Владычица!.. Вдругъ: «Ваше Высочество, обнадежьте ихъ милостивыми словами». Что тутъ дѣлать? Пробормоталъ что-то не своимъ голосомъ. Ужъ и натерпѣлся я страху».

Въ послѣднія десятилѣтія 19 вѣка крестьянскія волни-

нія стихли. Крѣпостное право постепенно ликвидировалось и уходило изъ жизни. Острой земельной нужды еще не было. Крестьяне по прежнему вѣрили въ царскую милость — земельный передѣлъ. Но ждали царскую милость покорно и терпѣливо. Незначительные беспорядки возникали только на почвѣ недоразумѣній съ помѣщиками: споровъ изъ-за земли. Крестьяне предъявляли скопомъ требованія властямъ и отказывались производить дѣйствія, требуемыя закономъ и судебными постановленіями. Порою сами переходили къ незаконнымъ дѣйствіямъ — выгоняли скотъ на помѣщичьи луга, рубили помѣщичьи лѣса и запахивали непринадлежавшіе имъ участки земли. Но все такія явленія были случайны и еще не носили массоваго характера. — Новая волна крестьянскихъ беспорядковъ поднялась только въ началѣ 20 вѣка. Въ 1902 году неожиданно вспыхнули волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Беспорядки захватили четыре уѣзда и продолжались двѣ недѣли. Пострадали 63 помѣщичьи экономіи. Къ этому времени крестьянская нужда въ землѣ уже достигла большой остроты. За годы, прошедшіе съ Реформы, деревенское населеніе почти удвоилось, и старые, полученные при освобожденіи, надѣлы уже больше не кормили. Арендные цѣны на помѣщичьи земли поднялись на большую высоту. Крестьяне страдали отъ земельного «утѣсненія» и жаловались: «У насъ ни ступни земли нѣтъ», — «курицу выпустить некуда»; «ѣсть нечего — пропадаемъ съ голода». На этой почвѣ и вспыхнули крестьянскіе беспорядки. Крестьяне нападали на помѣщичьи экономіи и грабили помѣщичій хлѣбъ, скотъ и инвентарь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сжигали помѣщичьи постройки и требовали отъ помѣщиковъ, чтобы они уѣзжали изъ имѣній. «Здѣсь, — говорили крестьяне, — будутъ другіе господа». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отношеніи къ начальству крестьяне, по прежнему, вели себя почитательно и покорно. Крестьянская идеологія еще почти не измѣнилась. Крестьяне — не бунтовщики и не грабители. Все, что они дѣлаютъ, они дѣлаютъ по закону и по царскому указу. Царь разрѣшилъ отбирать у помѣщиковъ хлѣбъ и землю, — потому они ихъ и отбираютъ. Сейчас царя нѣтъ, — онъ выѣхалъ за-границу. Передъ отъѣздомъ спрашивалъ у Синода: «кто у васъ хозяинъ, когда вы уѣзжаете?» Синодъ отвѣчалъ: «управляющій». — «Можно мнѣ назначить?» — «Можно». Царь уѣхалъ къ тещѣ и не-

значиль вмѣсто себя управляющаго, а «этотъ пановъ разбираетъ». Управляющій — вел. кн. Михаилъ. Онъ ѣздитъ по уѣздамъ и раздаетъ землю. На немъ особая одежда. Онъ снѣтъ. Съ нимъ его начальники, — генералы и студенты. Потому, борясь съ помѣщиками и раззоря ихъ имѣнія, крестьяне и не думали возставать на государственной строй. Наоборотъ, все царское для нихъ свято. Крестьяне не разбили ни одной казенной винной лавки, не тронули ни одного правительственнаго зданія. Раззоря усадьбу одного помѣщика, хлѣбъ котораго былъ заложенъ въ банкъ, увидѣли на дверяхъ амбара казенныя печати, — хлѣбъ оставили нетронутымъ: «не по закону, нельзя». Крестьяне еще оставались вѣрноподданными и законопослушными — только среди начальства появились новыя лица — студенты. Беспорядки были усмирены такъ же сурово, какъ при крѣпостномъ правѣ: «крестьянъ съкли безъ счета». Крестьяне были утрашены, но отъ своей вѣры не отказались: земля наша — «сами скоро будемъ паками». — Въ 1905-6 годахъ крестьянскія волненія охватили всю Россію. Горѣли старыя дворянскія усадьбы, ранилось помѣщичье имущество, уничтожались помѣщичьи посѣвы. Крестьяне «выкуривали» помѣщиковъ съ земли. Правительство въ отвѣтъ дѣйствовало круто и сурово. Районы беспорядковъ походили на «настоящій театръ войны». Обаяніе царскаго имени еще не исчезло. Царскому слову еще вѣрили. Прокламаціи, мѣстами, принимали за царскія грамоты, — они «сидутъ отъ начальства». Читая ихъ, крестьяне говорили, что вышелъ «праведный законъ». Бывали случаи, когда агитаторовъ, выступавшихъ противъ царя, убивали. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ души крестьянъ уже проникало новое сознаніе. Годы орденской работы въ народѣ не прошли даромъ. Образъ царя тускнѣлъ и уходилъ въ глубь души. Его мѣсто занимали Государственная Дума и народные избранники. Рождались новыя понятія: правъ народа и народной воли. Вмѣстѣ съ рожденіемъ новаго сознанія эпоха «крестьянскихъ волнений» отходила въ прошлое. Наступала новая эпоха — Великой Революціи.

И. Бунаковъ.